

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-260-263

ДЕСЯТАЯ АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВСЕ ТРЕВОГИ МИРА: БЕСПОКОЙСТВО В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»

27–28 апреля 2023 года в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН состоялась международная междисциплинарная научная конференция, ставшая продолжением форумов, проходящих в рамках проекта «Неканоническая эстетика»,¹ который посвящен исследованию неклассических эстетических категорий. Организаторами конференции выступили сотрудники ИРЛИ РАН, Псковского государственного университета и Тверского государственного университета. В работе приняли участие ученые из России и стран зарубежья.

Оргкомитет предложил рассмотреть разные эстетические аспекты «тревоги», связанные с жанром, сюжетом и образами: тревога и различные виды искусства в синхронии и диахронии; тревога и психология творчества; способы и приемы моделирования «беспокойства», «тревоги», «саспенса» (сюжеты, образы, мотивы); эстетика, риторика и поэтика тревожного; тревога и беспокойство в сюжетном пространстве; беспокойство, саспенс и ужас; саспенс как прием; саспенс в развитии сюжета; способы преодоления саспенса (привыкание, избегание, контроль) и катарсис; бытовые, интеллектуальные, сверхчувственные аспекты беспокойства; дифференциация понятий беспокойства, тревоги, саспенса.

Первое заседание («Тревоги и сомнения») открылось докладом О. В. Астафьевой (Санкт-Петербург) «Тревога как исток сказочного сюжета», посвященным песням, созданным по мотивам Г. Х. Андерсена в XX веке («Снежная королева» и «Тень» Е. Шварца, «Старая-старая сказка» Ю. Дунского и В. Фрида). В прологе рассмотренных песен предстоящие события утверждаются как порождение тревожных раздумий и предчувствий одного из персонажей.

Продолжил заседание С. А. Фомичев (Санкт-Петербург) докладом «Тревожная баллада А. С. Пушкина „Песнь о вещем Олеге“». Сюжетная основа баллады была почерпнута в статье Н. М. Карамзина «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предме-

том художеств». Исследователь уделил особое внимание многочисленным музыкальным работкам «Песни о вещем Олеге» (от строевой песни «Так громче, музыка, играй победу...» до шуточной песни В. Высоцкого).

С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) в выступлении «О тревожной неопределенности на „острове Патмосе“ и о гармоничном спокойствии „Болдинской осени“ А. С. Пушкина» показал, насколько напряженность болдинских текстов не соответствует эмоциональному спокойствию рукописей и рисунков этого периода.

В докладе «Мотивное сплетение „тревога — творение — голод“ в творчестве Д. И. Хармса 1930-х гг.» Б.-Е. Кирилэ (Румыния) показала, что в поэзии и в прозе Хармса до и во время первого ареста мотив творения тесно связан с поиском поэтического слова или вдохновения. Само творение у Хармса является «регистрацией времени и мира», а неосуществление творческого акта провоцирует состояние беспокойства, которое ощущается героями и на физиологическом уровне. В прозе после 1932 года мотивное сплетение «тревога — голод» препятствует осуществлению творения искусства.

Завершилось заседание видеодокладом Э. Тышковской-Каспшак (Польша) «Экзистенциальная тревога в прозе С. Д. Довлатова», в котором анализировались «Компромисс», «Филиал» и «Иная жизнь». По М. Хайдеггеру, духовный опыт личности, ощущающей свою неповторимость, уникальность и смертность, выражают такие понятия, как «вина», «забота» и «тревога». Довлатов редко описывает психологические состояния своих героев, скрывая переживания под анекдотичным сюжетом и комизмом.

Второе заседание («Мотивы») открылось докладом И. А. Лобаковой (Санкт-Петербург) «Мотив тревоги в сюжетных сказаниях о чудесах». Исследовательница отметила, что спектр человеческих переживаний в средневековой литературе был представлен довольно скупо и, хотя слово «тревога» словарями древнерусского языка не зафиксировано, само чувство существовало. В прижизненном чуде Иринарха Ростовского с воеводой Матфеем Тюхменевым мотив тревоги и ее нарастания из-за приближения к монастырю войск А. Лисовского организует сюжет. В сказании о посмертном чуде в Житии

¹ Сборники конференций «Неканонической эстетики» (Вып. I–IX) размещены на сайте Пушкинского Дома по адресу: <http://lib2.pushkin-skijdom.ru/неканоническая-эстетика> (дата обращения: 31.01.2024).

Галактиона Вологодского со сложной композицией (рассказ в рассказе с описанием видения) о воскресении святого мальчика Иова через внешние жесты переданы тревога, страх, отчаяние и надежда его матери.

И. В. Клименко (Москва) в докладе «Образ пространства как источник притчевости и триллерности в рассказе А. Грина „Окно в лесу“» отметила, что, хотя новелла как жанр и триллер как жанрово-тематическое единство тяготеют к напряженной событийности сюжета, в произведении Грина источником триллерности и основной новеллистической структуры оказывается статичный по своей сути образ пространства. При этом способ нагнетания саспенса и развития новеллистичности также становится способом универсализации и выведения сюжета на уровень притчи.

В докладе «Волнение, тревога и беспокойство в образной системе романа М. И. Воскресенского „Самопожертвование“» Н. П. Ивановой (Псков) названные психологические состояния рассматриваются применительно к трем главным героям романа, помогая раскрыть их сущностные характеристики с позиции нравоописания.

Г. Ю. Завгородняя и А. М. Завгородний (Москва) в выступлении «Мотив тревоги в „таинственных повестях“ И. С. Тургенева: еще раз о составе несобранного цикла» предложили анализировать повторяющийся мотив тревоги как один из возможных циклообразующих факторов. Данный мотив, как было показано, способствует сближению произведений с различным обоснованием ирреального: повести с бесспорно мистическими сюжетами благодаря наличию сходного мотива «подсвечивают» произведения, где мистическое явление далеко не столь очевидно.

В видеодокладе И. В. Мотеюняйте (Псков) «Тревога ветеринара о созданиях, прекрасных и разумных: по книге Дж. Хэрриота „О всех созданиях, больших и малых“» автор подошел к проблеме конференции «от противного». Отталкиваясь от того факта, что Хэрриот принадлежит к популярной культуре, исследовательница рассмотрела литературные традиции английского юмора (прежде всего П. Г. Вудхауза) и жанра новеллы, использованные в описаниях ветеринарной практики. Анализ жанровой составляющей рассказов показывает, что писатель акцентирует непредсказуемость в природе и в жизни в целом, что обычно является причиной тревоги для человека.

Третье заседание («Тревога, смятение, беспокойство») открылось видеодокладом Дж. Джиганте (Бельгия) «Экзистенциальное беспокойство некоторых героев Ф. М. Достоевского. Поиск укрытия во времени и пространстве». Исследовательница показала, что в широком спектре чувств и ощущений, переполняющих души героев Достоевского, беспокойство переплетается с особым состоянием, характеризующим его героев — их внутренним одиночеством, сопровождающимся внутренним волнением. Это волнение проявляет себя и развивается в многообразных формах — от легкой меланхолии до беспокойства, тревоги, тоски, иногда окончательно

погружая героя в мрачное чувство обреченности, в глубокую ипохондрию.

Доклад А. М. Грачевой (Санкт-Петербург) «Саспенс в авангардном произведении А. М. Ремизова „В розовом блеске“» основан на результатах изучения неопубликованного при жизни Ремизова произведения авангардной формы. В переработанном виде оно было включено как часть в созданную писателем эпопею «Оля». Оригинальный текст, изначально именно так названный автором, остался в архиве Ремизова и только ныне готовится к печати. В выступлении внимание было сосредоточено на приеме саспенса, играющем существенную роль в формировании структуры текста.

Е. А. Новоселова (Екатеринбург) в докладе «„В атмосфере тревоги“: к вопросу о формировании позднего творчества Ю. М. Нагибина» рассмотрела, как обусловленная тревогой многолетняя конформистская литературная позиция писателя в конце его творческой биографии перерастает в страх остаться неизвестным, настоящим. В конце 1980-х — начале 1990-х годов это подталкивает Нагибина к публикации автобиографических произведений, имеющих единую индивидуально-авторскую смысловую установку и объединенных общей проблематикой поиска самоидентичности.

Второй день конференции открылся заседанием «Тревога в век Разума». А. А. Петров (Санкт-Петербург) в докладе «Категория тревоги в русской трагедии XVIII века (на материале трагедии А. П. Сумарокова «Хорев»)» показал, что такое явление, как саспенс, вполне характерно и для русской литературы XVIII столетия. Исследователь продемонстрировал механизмы, благодаря которым эффект саспенса достигается в первом отечественном образце жанра трагедии: от общего постепенного ухудшения положения героев и повышения эмоционального накала реплик до трансформации конкретных мотивов (мотив грозы, мотив богооставленности).

А. О. Демин (Санкт-Петербург) обратился к малоизвестному эпизоду петербургской театральной жизни XVIII века: постановке пасторали придворного капельмейстера Ф. Арайя на стихи Дж. Бонекки «Asilo della Pace» («Прибежище Тишины»). Пьеса была представлена по случаю коронационных торжеств в начале мая 1748 года. Выступавший проследил параллели образного строя пасторали с темами панегирического творчества М. В. Ломоносова 1747–1748 годов: прославление мира, несущего благосостояние царствам и народам, и воспевание Рейнского похода российских войск как бескровной победы России в войне за ее пределы.

В докладе О. А. Кузнецовой (Москва) «Уроки бдительности из русской эмблематики» были обозначены разные аспекты идеи тревожности, выраженные в категориях bestiарной эмблематики. Образы зайца, льва и птицы (журавля) соотносились в русской культуре XVIII века через мотивы сопротивления сну и удерживания камня. Сторожевой лев унаследовал символику бдительной птицы, а настороженный заяц

изображался в позиции сильного героя и влиял на образ пса в прикладной эмблематике.

В докладе Е. А. Пастернак (Москва) «Старик Державин и смерть: об одном сюжете, тревожившем поэта», были приведены многочисленные примеры обращения к теме смерти. Державин давал неожиданно мрачные определения земной жизни, «заставлял умирать» в том числе неодушевленные объекты, указывал на начало пути к смерти с рождения, на равенство всех перед смертью и на невозможность купить бессмертие. Общая витальность державинских текстов неизменно сопровождалась памятью о смерти и страхом перед ней.

В докладе Ю. М. Никишова (Тверь) «Грибоедов: сигнал тревоги, который не услышали» было показано, что в годовщину поражения декабристов поэт написал «Грузинскую ночь», трагедию в форме сценической поэмы. В «Грузинской ночи» другая разработка той же ситуации, что и в «Горе от ума», с нарастающим конфликтным напряжением. Она выведена из политической сферы в «безобидную» сферу психологическую.

Пятое заседание называлось «Тревога — от малого до великого». В выступлении С. В. Фролова (Санкт-Петербург) «Композитор М. И. Глинка — беспокойный человек» было показано, как «беспокойство» формировало высокий профессионализм музыкального гения, провоцировало новаторства его основных произведений, вырывало его из обыденности русской музыкальной культуры первой половины XIX века.

Р. Р. Кожухаров (Москва) в докладе «Тревога и мотив умаления в произведениях акмеистов 1920–30-х гг.» обратил внимание на присутствие в произведениях О. Мандельштама и В. Нарбута, написанных после революции, архетипического образа «маленького человека», мотива умаления, литоты, которое оказывается обусловлено не только (и не столько) литературной традицией, сколько онтологическими, бытийными ситуациями, несущими угрозу и творчеству, и самой жизни поэтов. Эти примеры свидетельствуют об «определяющем для акмеистического мировоззрения» «сознании собственной малости» (О. Ронен), которое характерно не только для «начального» этапа становления акмеизма, но обнаруживается как инвариант в творчестве участников акмеистического содружества 1920–1930-х годов.

А. Молнар (Венгрия) в видеодокладе «Следствие ведут (не)знайки: Приемы создания тревоги в детективном сериале» рассмотрела, как популярный мистический и детективный сериал «Люцифер» нарушает систему поп-культурных явлений при посредстве постмодернистского переименования библейской традиции, высокой литературы и канонических компонентов криминальных жанров. В сериале предложен такой взгляд на феномен «тревоги», который демонстрирует как новаторство, так и различие со «страхом» в аспекте жанра, сюжета и мотивов.

Т. Е. Автухович (Беларусь) в докладе «Состояние тревоги и приемы его моделирования в романах и медиапроектах Д. А. Глуховского»

поставила вопрос о том, что произведения писателя предполагают многоуровневое прочтение и с точки зрения социологии литературы отражают состояние массового сознания, для которого характерно чувство страха перед будущим, ожидаемыми геополитическими и антропологическими катастрофами. В то время как медиапроекты создают гиперреалистический образ, в котором состояние тревоги утрачивает экзистенциальный смысл.

Шестое заседание было посвящено «Поэтическим тревогам». В докладе С. А. Васильевой (Тверь) «„Тревожной жизни бой“ в прозаических аллегориях Ф. Н. Глинки» говорилось о том, что через смысловые оппозиции покоя/беспокойства, тревоги/умиротворения Глинка в «Опытах аллегорий» предлагает религиозно-философскую концепцию, которая наглядно показывает человеку путь к самосовершенствованию, это одновременно и путь избавления от беспокойства. К важным этапам обретения покоя он относит удаление от светской жизни, любовь к добродетели, умение видеть истинную сущность вещей и явлений. В религиозной поэзии, которая реализуется в пространстве молитвенного диалога между Богом и человеком, Глинка утверждает, что настоящего покоя можно достигнуть только после смерти, а земная жизнь невозможна без тревог.

А. О. Дроздова (Тверь) в выступлении «„Мир шумит и мир тревожится...“: художественные средства создания категории тревожности в поэмах Ф. Н. Глинки» раскрыла категорию тревожности на материале малоизученных религиозных поэм «Таинственная капля» и «Видение Макария Великого». Состояние беспокойства, одномоментное или беспрестанное, присуще некоторым героям поэм, и, с точки зрения религиозного мировоззрения, оно определяется уровнем греховности и отступления человека от христианского идеала.

Е. С. Нечаева (Санкт-Петербург) в докладе «Переживание тревоги в „странной“ эстетике К. К. Случевского (на материале повести «Голубой платок»)» рассмотрела, как в повести Случевского раскрылся нарративный потенциал тревоги. Кроме того, она выдвинула предположение, что для Случевского сюжет, связанный с тревогой, стал благодатным материалом для очередного литературного эксперимента.

В докладе «Рождественские тревоги Андрея Белого» И. Б. Делекторской (Москва) объектом исследования стали наполненные тревожно-мистическими и даже отчасти inferнальными образами «рождественские» фрагменты повести «Котик Легаев» (1915–1916), а также стихотворение «Рождество», написанное в 1930 году под впечатлением от процесса «Промпартии». Изучение этих текстов в контексте биографии писателя приводит к заключению, что они являются составными частями христологического «сюжета» в автомифотворчестве Андрея Белого.

Б. Ф. Кольмагин (Москва) в выступлении «Тема тревоги в зеркале неофициальной поэзии» рассмотрел тему тревоги на материале поэзии андеграунда 1960–1980-х годов (творчество

Ю. Кублановского и Вс. Некрасова). Существенная трудность в передаче экзистенции проистекает из-за отказа некоторых авторов от лирического начала. В этом случае тема тревоги проявляется опосредованно, благодаря языку.

Я. В. Брусиловская (Москва) представила доклад о субъекте и фактуре саспенса в стихотворении П. Барсковой «Воздушная тревога», где проанализировала субъектную структуру текста в контексте моделирования саспенса, отметив, что центральным и системообразующим элементом обоих феноменов является непосредственно тревога. Исследовательница обосновала репрезентацию тревоги на разных уровнях восприятия для читателя и продемонстрировала, как на основе этого и с помощью каких приемов технички выстраивается саспенс в лирическом произведении, а также сделала акцент на его культурно-исторической и социально-психологической составляющей.

Заключительное заседание конференции было посвящено «Тревоге и саспенсу». А. А. Липинская (Санкт-Петербург) в докладе «Эти призрачные очертания. О повествовательных стратегиях А. Блэквуда» показала, как известный автор *weird fiction* разрабатывает сюжет «блуждания персонажа в причудливо видоизменяющемся пространстве» на примере двух довоенных новелл («Соучастник» и «Древние огни») и одного текста 1921 года («Признание»). Она отметила, что писатель сводит фабулу (и ее сверхъестественный компонент) к минимуму, делая акцент на создании тревожной атмосферы, затягивающей в равной мере героя и читателя.

Е. В. Барина (Нижний Новгород) в докладе «Тревога и саспенс в романе Эммы Хили „Найти Элизабет“» обратила внимание на средства конструирования тревоги и саспенса. Опираясь на теоретические построения Кьеркегора, Фрейда и Рикера, выступавшая сделала вывод о том, что тревога в романе носит немотивированный характер и спровоцирована травмой от переживания несвободы, бессилия и вины пе-

ред окружающими. В отличие от тревоги, эмоции, не ограниченной хронологически, саспенс понимается как явление кратковременного напряженного ожидания.

Доклад А. Ю. Сорочана (Тверь) «Литература беспокойного присутствия: коллекция „Гарфанг“ и темная сторона Традиции» был посвящен анализу идеи «беспокойного присутствия» в книгах серии «Гарфанг» и в других работах известного российского традиционалиста Е. Головина. Его теории в представлениях узкого круга специалистов ассоциируются с традиционализмом А. Дугина, «южинским кружком» и маргинальными националистическими проектами. Однако модель «темной литературы», разработанная Головиным, воплощает своего рода оборотную сторону традиционализма: концепция квазирелигиозной Империи воплощает не только торжество тоталитаризма и ресентимент, но и подсознательные страхи адептов Традиции. Обращаясь к литературе, которая никаким образом не могла вписаться в конструкции традиционализма, Головин обнажает эти страхи.

Конференция завершилась подведением итогов. Категория «тревоги» интересна наличием множественных связей, которые могут стимулировать исследования, посвященные широкому спектру проблем. Тревога порождена ощущением опасности — но эта категория принципиально отличается от понятия «страх». Тревога открывает глубину сущего, и здесь сходятся литература, философия и теология. Но потенциал данной категории не исчерпывается этим уровнем. «Тревога» связана с определенными жанровыми новациями, которые обрели форму в XIX веке, хотя появились гораздо раньше.

По материалам конференции вышел сборник: Неканоническая эстетика. СПб.; М., 2023. Вып. 10. Все тревоги мира: Беспокойство в литературе и искусстве.

© С. В. Денисенко

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-263-268

XLVII МАЛЫШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

17 мая 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошли традиционные ежегодные Малышевские чтения.

С. И. Николаев (Санкт-Петербург) в докладе «„Житие Меркурия Смоленского“: с русского на польский и обратно» рассмотрел так называемую Смоленскую или Западнорусскую редакцию жития Меркурия Смоленского. Особенность редакции заключается в том, что название в ней завершается словами: «Исписана бо прежде сия вещь словенским языком, таже из словенска языка преложена на польский язык, а ныне же паки ис польскаго на словенский язык преложено в лето 7164 (1656)». После захвата Смоленска (видимо, речь может

идти о 1611 году) Речь Посполитая признала небесного покровителя города св. Меркурия Смоленского, а его житие было переведено на польский язык. После возвращения Смоленска под власть Московского государства в 1654 году житие покровителя города было возвращено в лоно православной церкви. Проблема же заключалась в том, что Смоленская (Западнорусская) редакция жития известна в науке уже более ста лет, в то время как польский текст жития обнаружен не был. Выдвигались различные объяснения, начиная с того, что на самом деле текст жития был переписан латиницей, и завершая сомнениями в самом факте перевода с польского на русский. Между тем, как